

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Издатель А. А. Иозефовичъ.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ.

Редакторъ А. Н. Стояновъ.

Главная контора газеты въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ домѣ Императорскаго Университета, № 7, при „Публичной Библиотецѣ“ Александра Александровича Иозефовича, принимаетъ подписку и объявленія; открыта въ будни отъ 9 час. утра до 7 час. вечера, а въ воскресенье и праздничные дни отъ 11 до 4 час. дня.

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ.

№ 29.

ХАРЬКОВЪ, ПЯТНИЦА 30 Января (11 Февраля) 1881 года.

ГОДЪ I.

Реданція газеты помещается въ г. Харьковѣ, въ Петровскомъ переулкѣ, № 1, для личныхъ объявленій по дѣламъ газеты открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 2 до 3 час. дня. Статьи, доставляемыя безъ означенія условий, принимаются безплатными. Статьи и корреспонденціи, присылаемыя въ Реданцію, должны быть за подписью и съ адресомъ автора.

ОТДѢЛЬНЫЕ ЛЕЖЕ „ЮЖНАГО КРАЯ“ ПРОДАЮТСЯ по 6 К.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“,

1881 ГОДА.

Изданіе А. А. Иозефовича, подъ редакціею А. Н. Стоянова, при ближайшемъ участіи Л. Е. Владимірова.

„Южный Край“ будетъ выходить въ форматѣ газетнаго листа ЕЖЕДНЕВНО, а въ понедѣльники и дни послѣпраздничные въ размѣрѣ полулиста.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

Телеграммы. II. Руководящая статьи по вопросамъ внутренней и вѣншей политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. III. Дѣятельная правительственная. IV. Внутренняя жизнь: а) городская и земская хроника, б) корреспонденція. V. Обзоріе газетъ и журналовъ. VI. Политическое обзоріе. VII. Вѣншіе корреспонденты. VIII. Слѣдкіе IX. Биржевая хроника. X. Календарь. XI. Справочная свѣдѣнія. XII. Судебная хроника. XIII. Фельетонъ научный, литературный и художественный. XIV. Объявленія.

Условія подписки:

	На 10 руб.	На 6 руб.	На 3 руб.	На 1 руб.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. —	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкой	12 „	7 „	4 „	1 „ 40 „
Съ перес. погородомъ	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 40 „

Допускается разсрочка въ платежѣ за годовую экземпляръ по соглаш. съ главной конторой газеты.

Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца; но каждый срокъ простирается не далѣе какъ до конца 1881 г.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ главной конторѣ редакціи газеты въ г. Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ домѣ Императорскаго Харьковского Университета, № 7-й, при „Публичной Библиотецѣ“ А. А. Иозефовича; ТАМЪ ЖЕ принимаются ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Кромѣ того, подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ Н. Г. Мартынова и „Новое Время“; въ Москвѣ въ книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова и въ книжной и газетной торговлѣ П. Н. Шоломникова; въ Кіевѣ въ книжномъ магазинѣ Е. Я. Федорова; въ Одессѣ въ книжномъ магазинѣ В. И. Бялика; въ Полтавѣ въ книжномъ магазинѣ Г. И. Бойко-Родченка.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ: изъ Франціи исключительно въ Парижѣ — у Navas, Lafite et Co, 8 Place de la Bourse; въ Москвѣ въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Большой Дмитровскій въ домѣ Вучкова, въ Петербургѣ — въ той же конторѣ на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Струбинскаго и въ Варшавѣ — въ варшавскомъ агентствѣ объявленій Рейхманъ и Френдлеръ на Сенаторской улицѣ, въ домѣ № 22.

Главная контора газеты проситъ Г. подписчиковъ сообщать о неаккуратной доставкѣ газеты.

СЛАВЯНСКАЯ ГОРОДСКАЯ УПРАВА

доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что 17 февраля 1881 г. имѣетъ быть торгъ на откупъ въ аренду со стороны буфетъ при заведеніи славянскихъ минеральныхъ водъ, срокомъ на четыре года. Торги начнутся въ 10 час. утра, въ присутствіи управы, гдѣ ежедневно можно видѣть подробности условій.

СОДЕРЖАНІЕ:

Харьковъ. 29-го января 1881.

Екатеринославское губернское земское собраніе 1880 г., Екатеринославца.

Проектъ устава земской кассы поземельнаго кредита, К. Г. — а.

Телеграммы (отъ спец. корресп. „Южн. Края“ и отъ „Международ. телегр. агенствъ“).

Историческая хроника: По поводу вѣсовой продажи хлѣба. — Изслѣзованіе документа. — Венесій г-жи Олтоновъ. — Завлеченіе. — Нѣщѣ въ Харьковѣ. — Писма въ редакцію.

Внутреннія извѣстія: Корреспонденція „Полтавскій Край“ изъ Новочеркасска и Росовоцкаго. — Намъ пишутъ. — Преобразование въ винопродовство. — Воспрещеніе подписокъ. — Измѣненіе

штатовъ. — Безпорядки въ историко-филологическомъ институтѣ. — Море обитъ. — Ресурсы школы. — Улучшеніе положенія административныхъ соотнѣшеній. — По дѣлу Кашеваровой-Рудневой. — По поводу самоубійства.

Обзоріе газетъ и журналовъ.

Политическое обзоріе.

Календарь.

Справочныя свѣдѣнія.

Фельетонъ: I. Памяти А. О. Писемскаго, Г. А. — II. Обзоріе журналовъ, Альфа Гамма, Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

29-го января 1881.

Циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ, отъ 22 декабря 1880 года, справедливо сосредоточилъ на себѣ всеобщее вниманіе со стороны содержанія, цѣли, мотивовъ и са-

мыхъ вѣншихъ пріемовъ своихъ. Даже послѣдняя, чисто формальная сторона дѣла, имѣетъ здѣсь важное значеніе потому, что въ самомъ способѣ или въ методѣ всякой законодательной работы ясно отражается, для опытнаго глаза, принципиальный взглядъ законодателя какъ на сущность разрѣшаемаго вопроса, такъ и на желанное отношеніе къ этому вопросу самаго общества. Были въ исторіи различные способы законодательства. Долгое время господствовала система — сочинять законы въ кабинетахъ и канцеляріяхъ, что было совершенно согласно съ извращеннымъ теоретическимъ понятіемъ ученыхъ юристовъ объ сущности положительнаго или дѣйствующаго права. Гдѣ отрицали, въ идеѣ, живую связь между закономъ, выражающимъ общественную правду, и между націею и обществомъ, носящими въ себѣ сознаніе этой правды, тамъ, конечно, могли не заботиться о совмѣстной работѣ правительства и общества для изданія того или другаго закона. При такомъ положеніи дѣла, можно было даже очень умнымъ людямъ, прошедша столѣтія считать законы Миноса или Ликурга пригодными для французской республики. Повольно было въ началѣ настоящаго столѣтія помышлять иностранному философу и правовѣду объ составленіи узломъ, или кодекса, на берегахъ Темзы или Сены для русскаго народа подъ скипетромъ Александра 1-го. Въ настоящее время, наука и опытъ единогласно отвергли всѣ подобныя воззрѣнія, какъ легковѣсныя парадоксы.

Напротивъ, теперь твердо и ясно установлено иное положеніе: что законъ или положительное право есть составная часть въ цѣлой жизни каждаго отдѣльнаго народа. Но если это положеніе вѣрно, то должно быть справедливо и рационально другое, а именно: для составленія разумнаго законодательства, необходимо привлекать къ этой работѣ общество, въ той или другой формѣ подобнаго участія.

Циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ отъ 22 декабря удовлетворяетъ такому требованію потому, что для выработки преобразованій крестьянскихъ присутствій привлекаются не только сами присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, но и земскія учрежденія. Далѣе, законодательная политика удовлетворе-

на въ циркулярѣ отъ 22 декабря 1880 года еще одною существенною стороною дѣла. Мы разумѣемъ здѣсь основную мысль этого важнаго документа, — т. е. мысль объ зависимости законовъ отъ теченія народнои жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объ провѣркѣ уже изданныхъ юридическихъ нормъ практическими указаніями опыта. Такъ оно и должно быть. Законъ есть только правовая формула для опредѣленія бытовыхъ отношеній, которыя, въ свою очередь, являются послѣдствіемъ очень сложныхъ причинъ и условій, производящихъ то, что называется „жизнью“ общества и народа. Въ этомъ смыслѣ, можно сказать, что не законъ создаетъ своею искусственною силою жизнь народную, а наоборотъ. И это безусловно вѣрно, какъ исполнѣ справедливо и то, господствующее теперь, воззрѣніе, что не народъ существуетъ для закона, а законъ пишется и примѣняется какъ средство для единственной цѣли — общаго блага всего народа. Примѣненіе этого положенія (27 іюня 1874 г.) на практикѣ — читаемъ мы въ текстѣ циркуляра — указало въ немъ нѣкоторые пробѣлы и недостатки, часть которыхъ уже устранена дополнительными къ нему узаконеніями. Но и затѣмъ разныя отдѣльныя постановленія сего положенія продолжаютъ вызывать представленія губернскихъ начальствъ и *государства земства нѣкоторыхъ губерній объ измѣненіи сизъ постановленій*.

Въ циркулярѣ предложенъ самый перечень вопросовъ, подлежащихъ обсужденію и отвѣту со стороны органовъ земства въ губерніяхъ; но выставлена при этомъ такая оговорка, что, „независимо отъ отзывовъ по изложеннымъ въ ономъ (перечнѣ) и въ свѣдѣніяхъ, *могутъ быть представлены соображенія и о другихъ мѣрахъ по устройству мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений, которыя земство или присутствія сочтутъ полезными для дѣла*“. Думаемъ, что оговорка эта также весьма существенна. Въ ней имѣется новое и наглядное доказательство вѣрнаго взгляда на то, каковыя способомъ можно наилучше организовать совмѣстную работу правительственныхъ и общественныхъ силъ для достиженія законодательной цѣли. Было бы вопіющимъ противорѣчіемъ — выстав-

ить запросъ о мѣнѣяхъ, потребовать дѣльнаго и откровеннаго сужденія, а затѣмъ предписать узкую программу съ канцелярскою регламентаціею обсужденій.

Во всякомъ случаѣ, выдвинуто на очередь дѣло капитальной важности, — дѣло, которому нельзя не желать самаго полнаго успѣха. Любопытно будетъ наблюдать: какъ отнесутся къ своей задачѣ, въ данномъ случаѣ, тѣ органы земства и крестьянскаго управленія, въ которыхъ, главнымъ образомъ, обращается циркуляръ? Найдутся ли также въ прессѣ нашей и силы и умѣніе — поддержать и вѣрно направить обсужденіе и разрѣшеніе предложенныхъ вопросовъ? Желательно было бы органамъ печати сдѣлаться живыми посредниками для выраженія заинтересованными людьми наибольшаго числа мнѣній и взглядовъ на эти вопросы, такъ какъ тогда только можно будетъ избѣгнуть великаго вреда отъ невѣрныхъ заключеній на основаніи неполныхъ наблюденій.

Между прочимъ, примѣра ради, намъ нѣрѣдко приходилось наблюдать такіе факты, которые заставляютъ желать наибольшей осторожности при разрѣшеніи вопроса о томъ: гдѣ предпочтительнѣе выбирать непремѣнныхъ членовъ узаконеній по крестьянскимъ дѣламъ присутствій — въ узаконеніяхъ, или же въ губернскихъ собраніяхъ? Существуютъ нѣкоторыя общія и даже легальныя основанія въ пользу представленія выбора узаконеніемъ собраніямъ. Кому, какъ не узаконенію, лучше знать людей, способныхъ быть въ средѣ его полезными дѣятелями? Вотъ первый доводъ въ пользу избранія непремѣнныхъ членовъ по узаконеніямъ. Кому же, какъ не крестьянскимъ гласнымъ, которые рѣдко попадаютъ въ составъ губернскихъ собраній, сказать свое вѣское слово о тѣхъ людяхъ, которые должны будутъ „вызвать и рѣшить“ судьбу ихъ? Вотъ второй доводъ въ пользу того же способа избранія.

Но здѣсь сейчасъ же представляется вереница своеобразныхъ фактовъ и такія наблюденія, которыя придерживаютъ на устахъ нашихъ утвердительное заключеніе.

Эти факты и наблюденія говорятъ, что крестьянскіе гласные, сидя въ узаконеніяхъ, болѣею частью не-

самостоятельны: или потому, что „трепещутъ“ кого слѣдуетъ, или потому, что подкуплены и слишкомъ „близки“ по разнымъ выгоднымъ дѣлшкамъ въ воротиламъ изъ баръ въ мѣстныхъ управлахъ, — или потому, что мало понимаютъ, о чѣмъ идетъ рѣчь и какъ должно идти дѣло... И рада бы темнота въ рай, да грѣхъ слѣпоты не пускаетъ! Развѣ никому не случилось наблюдать факты, что гласные изъ крестьянъ выражали совершенно противоположныя мнѣнія по однимъ и тѣмъ же вопросамъ въ присутствіи и въ отсутствіи лица, или наводящаго „трепетъ“ или же напоминающаго своимъ видомъ обѣ радости дружнаго передѣла барышей, которые сорваны отъ ловкой операціи подрывотъ на земскія почты или гати? Развѣ крестьянскіе гласные въ узаконеніяхъ всегда и вездѣ чужды тѣхъ интригъ, той мелкой, но очень злобной и неразборчивой на средства, борьбы, какую ведутъ между собою вожди, такъ называемыхъ у насъ, партій? Увы! найдутся факты и наблюденія, которые подскажутъ намъ опытъ не отрицательный, но утвердительнаго смысла. Крестьяне являются нѣрѣдко очень дѣтельными орудіями въ рукахъ людей, которые, претендуя на роль господствующей интеллигентной силы въ мѣстныхъ обществахъ, въ сущности оказываются чуждыми всякаго нравственнаго достоинства, всякихъ убѣжденій. Для такихъ людей существуютъ два вида нравственности, честности и иныхъ принциповъ: одинъ видъ на показъ для суетной бабщины, а другой для домашняго и общественаго обихода. Для этихъ людей, собственно говоря, нѣтъ и не можетъ быть ничего важнаго и разумнаго въ тѣхъ грубыхъ и личныя интересовъ партій, въ нѣмномъ цѣли во то бы то ни стало и чѣмъ бы то ни было, насолить, дочекъ противнику... Односторонность, страстность, эгоизмъ — эти вѣковыя язвы всѣхъ партійныхъ кликъ — еще болѣе проявляютъ свою неприглядность въ узаконеніи сферѣ нашей русской жизни, гдѣ даже нѣтъ и не можетъ быть „партій“ въ серьезномъ смыслѣ этого слова, гдѣ не бываетъ и знаменъ съ крупнымъ политическимъ девизомъ, гдѣ вмѣсто такого знамени выставляется грязное тряпье съ безцеремонною малевкою на этомъ тряпичномъ матеріалѣ только своихъ личныхъ интересовъ.

ушло отъ нихъ, желая жить хорошо и понимая, что по своимъ способностямъ, онъ имѣетъ болѣе право на благо жизни, чѣмъ какой-нибудь князь Раменскій, путаясь въ цѣломъ лабиринтѣ противорѣчій, онъ то оправдывалъ себя за свои поступки, сводя все къ принципамъ: *сила есть право, чья оправдываетъ средства*, то превращалъ себя и въ минуты наибольшаго угрызненія совѣсти готовъ былъ лишить себя жизни. Чувствуя въ себѣ громадный запасъ силъ и энергіи, онъ хотѣлъ бы вызвать на бой цѣлый міръ и въ борьбѣ ни за что не уступилъ бы своему противнику ни одной пяди; но въ то же время, благодаря отсутствію нравственной чистоты, борьба его имѣла характеръ лихорадочный, нервный, угрожая каждую минуту подъ ударомъ очень сильнаго противника перейти съ его стороны въ полное изнеможеніе. Дѣятельность его есть блестящее подтвержденіе высказаннаго. Начавши борьбу съ взяточничествомъ съ энергіей, съ силой, онъ велъ ее лихорадочно, часто увлекался личными чувствами и отношеніями къ лицамъ, замѣшаннымъ въ эту борьбу, и поэтому скоро, зайдя слишкомъ далеко въ своемъ преслѣдованіи взяточничества, изнемогъ и сдался подъ ударами, ни одной минуты не дремавшихъ враговъ.

Чтобы правильно понять и оцѣнить характеръ Калиновича, нужно понять и оцѣнить тѣ страшныя страданія, которыя долженъ испытывать человѣкъ, ненавидящій свои собственные поступки, ненавидящій самого себя.

Люди съ необузданной, страстной, полной силъ, энергіи и огня натурой Калиновича не годятся для мирной жизни; они полезны только въ моменты сильнаго напряженія народныхъ силъ, въ періоды революцій, когда они могутъ сдѣлаться и сдѣлаются народными

ПАМЯТИ А. О. ПИСЕМСКАГО.

Въ среду, 21 января, въ Москвѣ скончался Алексѣй Теофилактовичъ Писемскій. Русская литература утратила въ немъ одно изъ лучшихъ своихъ представителей, одного изъ трехъ могучихъ, но утратило его не въ данную печальную минуту кончины, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ, потому что Писемскій въ послѣдніе годы своей жизни для литературы не сдѣлалъ ровно ничего, соотвѣтствующаго его прежней славѣ, а напротивъ даже внесъ въ свой строгій прежнее реализмъ значительное количество тенденціозности. Писемскій пережилъ свою славу.

Писемскій родился 10 марта 1820 года въ селѣ Раменѣ, гужомскаго уѣзда, костромской губерніи. Первые годы своего дѣтства онъ провелъ въ деревнѣ и въ Ветлугѣ. На четырнадцатомъ году онъ поступилъ въ костромскую гимназію. Окончивши ее въ 1840, онъ перешелъ въ московскій университетъ на математическій факультетъ и выпошелъ оттуда въ 1844 году кандидатомъ. Не смотря на спеціальность свою физико-математическую, онъ сообразно съ духомъ времени, долженъ былъ служить въ администраціи, сначала въ московской палатѣ государственныхъ имуществъ, потомъ чиновникомъ особыхъ порученій при костромскомъ губернаторѣ. Въ 1853 году онъ выпошелъ въ отставку и поселился въ Петербургѣ. Въ 1848 году онъ женился на дочери извѣстнаго писателя Александровскаго времени, Свинина. Съ 1853 по 1871 онъ съ перерывами продолжалъ свою служебную карьеру и наконецъ съ 1871 года онъ окончательно оставилъ службу и поселился въ Москвѣ. Съ 1858—1861 годъ Писемскій былъ редакторомъ „Вѣ-

стника для чтенія“. Вотъ краткій перечень болѣе или менѣ выдающихся явленій жизни Алексѣя Теофилактовича, жизни, далеко небогатаго какими-нибудь особенными вѣншими событиями. Литературная дѣятельность его началась съ 1851 года, когда напечатана была его первая повѣсть „Тюфакъ“ въ „Москвитинѣ“. Но гораздо раньше этого времени Писемскій написалъ превосходную повѣсть „Боярщина“, попавшую въ печать только въ 1858 году. Съ этого времени начинается блестящій періодъ его литературной дѣятельности и достигаетъ апогея въ 1858 году, когда появились въ печати романъ „Тысяча душъ“, создавшій ему прочную славу. Вслѣдъ за этимъ романомъ наступаетъ періодъ упадка, во время котораго написаны были имъ тенденціозныя романы „Взбаламученное море“ и „Въ водоворотѣ“.

Вотъ полное перечисленіе, въ хронологическомъ порядкѣ, всѣхъ беллетристическихъ и драматическихъ сочиненій А. О. Писемскаго. „Тюфакъ“ пов. 1851 г., „Богатый женихъ“ 1851 г., „Комикъ“ очер. 1852 г., „Бракъ по страсти“ ром. 1852 г., „Батмановъ“ раз. 1852 г., „Хазаръ“ раз. 1853 г., „Лѣній“ очер. 1853 г., „Питерчикъ“ 1853 г., „Повѣсти и разсказы“ 1854 г., „Фанфаронъ“ пов. 1854 г., „Плотничья артель“ раз. 1855 г., „Виноградъ ли она?“ пов. 1855 г., „Очерки крестьянскаго быта“ 1856 г., „Старая барыня“ раз. 1857 г., „Тысяча душъ“ ром. 1858 г., „Боярщина“ пов. 1858 г., „Старческий грѣхъ“ раз. 1861 г., „Батяка“ раз. 1862 г., „Взбаламученное море“ ром. 1863 г., „Русскіе луга“ очерки 1865 г., „Люди сороковыхъ годовъ“ ром. 1869 г., „Въ водоворотѣ“ ром. 1871 г., „Мѣщане“ ром. 1878 г., „Массоны“ ром. 1880 г. Кромѣ этого въ 1874 году вышли отдѣльными

изданіемъ въ 2 т. — драматическія сочиненія Писемскаго: „Ипохондрикъ“ (1853), „Поручикъ Гладковъ“ (1855), „Горькая судьбина“, удостоенная Уваровской преміи (1859), „Подкопи“ (1871), „Вааль“ (1873) и др. и наконецъ въ 1876 году въ „Газетѣ А. Гатцука“ напечатано было его послѣднее драматическое произведеніе „Финансовый геній“.

Писемскій написалъ слишкомъ много, а изъ того, что написано имъ за періодъ отъ 1851—1859 году, такъ много достойно всеобщаго и полнаго разбора, такъ глубоко захватываетъ жизнь и такъ высоко художественно, что можно о каждомъ изъ его произведеній написать цѣлую статью, а между тѣмъ объемъ небольшой газетной заметки не позволяетъ намъ даже болѣе или менѣе подробно остановиться хоть на главнѣйшихъ. Поэтому мы вмѣстѣ того, чтобы говорить нѣсколько словъ о каждой изъ его повѣстей, ограничимся только однимъ, но за то самымъ крупнымъ его произведеніемъ, романомъ „Тысяча душъ“ и напомнимъ читателямъ то, что говорилось объ этомъ романѣ лучшими критиками прошлаго. Д. И. Писаревъ, разбирая произведенія Писемскаго, говорилъ о романѣ „Тысяча душъ“ слѣдующее: „По общему и разнообразію явленій, схваченныхъ въ этомъ романѣ, онъ стоитъ положительнѣе выше всѣхъ произведеній нашей новѣйшей литературы“ (*). Писаревъ часто увлекался и слѣдуя извѣстной идеѣ, признавалъ нѣрѣдко довольно опрометчивыя приговоры, но въ данномъ случаѣ приговоръ его совершенно правдивъ и сходитъ съ приговорами другихъ критиковъ.

Чѣмъ же можно объяснить такой единодушный отзывъ критики объ этомъ (*). Сочиненія Д. И. Писарева, т. 1, стр. 77.

произведеніи? Отвѣтить не трудно — изображеніемъ такой личности, какъ Калиновичъ, характеръ котораго есть въ полномъ смыслѣ слова продуктъ эпохи. „Тысяча душъ“ не созданіе фантазіи, а плодъ глубокаго анализа и синтеза явленій общественной жизни. Калиновичъ — не вымысленное, а типичное во всѣхъ частностяхъ. Только громадный талантъ могъ, задумавши такой характеръ, выдержать его до конца и со всей тонкостью психологическаго анализа дать исполнѣ цѣльное и рельефное изображеніе его. Кто хотѣлъ быгдо читать этотъ романъ, у того, навѣрно, долго стояла передъ глазами, какъ отлитая изъ бронзы, фигура Калиновича.

Но кто же такой Калиновичъ? Калиновичъ самолюбивый, себѣлюбивый, безсердечный эгоистъ, безжалостно разбивающій сердце Настеньки изъ-за денегъ, говоритъ одинъ, и въ этомъ приговорѣ будетъ своя доля, конечно, очень маленькая, правды. Калиновичъ умный, расчетливый человѣкъ, желающій сдѣлать хорошую служебную карьеру, говоритъ другой и говоритъ не совсѣмъ вѣрно. Но эти оба приговора очень поверхностны; они не касаются сущности характера Калиновича. Онъ вовсе не безсердечный эгоистъ, хотя часто поступаетъ, какъ таковой, онъ вовсе не страстный поклонникъ чиновъ, хотя и стремится къ власти, онъ способенъ любить и хочетъ любить, что доказывается его совершенно искреннимъ и серьезнымъ увлеченіемъ Настенькой, но онъ не способенъ къ мѣщанскому счастию, онъ не способенъ удовлетвориться ролью смотрителя уѣзднаго училища и, получивши титулярнаго совѣтника, спокойно ждѣть слѣдующаго чина; въ немъ слишкомъ много умственныхъ силъ, въ несчастіе не имѣющихъ правильнаго выхода, въ немъ

страшная жажда дѣятельности, а дѣятельности нѣтъ. Вотъ въ этомъ и заключается разгадка всѣхъ дальнѣйшихъ поступковъ Калиновича, поступковъ, которые обличаютъ замѣчательный умъ и шаткость нравственныхъ принциповъ, вѣчный разладъ въ самомъ себѣ, страшное озлобленіе противъ людей и вытекающую отсюда жестокость. Въ этомъ заключается и величайшая заслуга Писемскаго, показавшаго намъ, какъ ужасно было положеніе человѣка его эпохи съ умомъ, талантомъ и энергіей среди гнета сверху, пошлости и безобразія мелкихъ душонокъ вокругъ; Калиновичъ задыхался въ этомъ омутѣ, онъ искалъ простора, и потому стремился къ власти, которая въ то время только одна и могла доставить болѣе и менѣе самостоятельную дѣятельность. Въ виду этого невѣрнѣе взглядъ того критика (Весна. Литерат. Сбор. 1859 г. стр. 310), который говоритъ, что Калиновичъ былъ необузданно властолюбивъ, — невѣрнѣе потому, что Калиновичъ не стремился къ власти ради почта, ради того фиміама, который въ изобиліи кадалъ людямъ обремененнымъ властью, а для возможности свободно дѣйствовать, для возможности казнить и выставлѣть на показъ подлость и низость людскую. Правда, онъ казнилъ не какъ спокойный судья, а какъ озлобленный чловѣкъ, но въдѣ это озлобленіе имѣло свои причины — эти причины заключались въ томъ, что онъ, желая обширной дѣятельности, сообразной съ его талантами и способностями, не имѣлъ возможности остаться нравственно-чистымъ чловѣкомъ.

Окруженный негодаями, въ родѣ князя Раменскаго, чувствуя къ нимъ страшное презрѣніе за ихъ подлость и въ то же время сознавая, что въ извѣстныхъ отношеніяхъ онъ самъ недалеко

ушло отъ нихъ, желая жить хорошо и понимая, что по своимъ способностямъ, онъ имѣетъ болѣе право на благо жизни, чѣмъ какой-нибудь князь Раменскій, путаясь въ цѣломъ лабиринтѣ противорѣчій, онъ то оправдывалъ себя за свои поступки, сводя все къ принципамъ: *сила есть право, чья оправдываетъ средства*, то превращалъ себя и въ минуты наибольшаго угрызненія совѣсти готовъ былъ лишить себя жизни. Чувствуя въ себѣ громадный запасъ силъ и энергіи, онъ хотѣлъ бы вызвать на бой цѣлый міръ и въ борьбѣ ни за что не уступилъ бы своему противнику ни одной пяди; но въ то же время, благодаря отсутствію нравственной чистоты, борьба его имѣла характеръ лихорадочный, нервный, угрожая каждую минуту подъ ударомъ очень сильнаго противника перейти съ его стороны въ полное изнеможеніе. Дѣятельность его есть блестящее подтвержденіе высказаннаго. Начавши борьбу съ взяточничествомъ съ энергіей, съ силой, онъ велъ ее лихорадочно, часто увлекался личными чувствами и отношеніями къ лицамъ, замѣшаннымъ въ эту борьбу, и поэтому скоро, зайдя слишкомъ далеко въ своемъ преслѣдованіи взяточничества, изнемогъ и сдался подъ ударами, ни одной минуты не дремавшихъ враговъ.

Чтобы правильно понять и оцѣнить характеръ Калиновича, нужно понять и оцѣнить тѣ страшныя страданія, которыя долженъ испытывать человѣкъ, ненавидящій свои собственные поступки, ненавидящій самого себя.

Люди съ необузданной, страстной, полной силъ, энергіи и огня натурой Калиновича не годятся для мирной жизни; они полезны только въ моменты сильнаго напряженія народныхъ силъ, въ періоды революцій, когда они могутъ сдѣлаться и сдѣлаются народными

Такова не вымышленная нами, но реальная картина на фоне убогой жизни. Краски этой картины очень рѣзко падают при самой скромной дѣлѣ освѣщенія. А что, если бы пущать сюда болѣе полную струю свѣта? Написавъ эти строки, мы желаемъ, чтобы дѣло было освѣщено именно такъ, во всю ширь и глубину свою, замѣчаниями и наблюдениями другихъ людей, лучше нашего знакомыхъ съ разнообразіемъ фактовъ и отрицательными и положительными характера. Съ удовольствіемъ сознаемъ мы тогда въ неполнотѣ и неискренности сѣдующаго нашего заключенія: есть поводъ думать, что при извѣстныхъ гарантіяхъ для свободнаго выраженія общественнаго мнѣнія въ уѣздахъ, при болѣе участіи крестьянъ въ дѣятельности губернскихъ земскихъ соборій, — эти губернскія соборія окажутся цѣлесообразнѣе, чѣмъ уѣздныя, для безпристрастнаго и правительнаго выбора несправедливыхъ членовъ въ уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

Екатеринославское губернское земское собрание 1880 года.

Статья первая.
Открытие соборія. — Земскія постановленія. Извѣщенія благодарности. — Оставленіе вопросовъ открытыми. — Ходатайства. — Продовольственный вопросъ.

Очередное екатеринославское губернское земское собрание имѣло засѣданія съ 10 декабря по 20 декабря 1880 г. Собрание было въ составѣ довольно малочисленнымъ; оно открылось при наличности 23 гласныхъ, считая въ томъ числѣ и председателей, тогда какъ полный составъ соборія — 63 гласныхъ. Затруднительная и опасная переправа черезъ р. Днѣпръ помѣшала многимъ изъ гласныхъ принять участіе въ соборіи. Собрание было открыто 10 декабря г. губернаторомъ, который въ своей рѣчи указалъ на нѣкоторые важнѣйшіе вопросы, подлежащіе обсужденію. Остановившись на вопросѣ о народномъ продовольствіи, губернаторъ заявилъ, что правительство посѣдѣло прийти на помощь нуждающемуся населенію губерніи; по Высочайшему повелѣнію 20 октября земству предоставлена ссуда въ 500,000 р. с. изъ имперскаго продовольственнаго капитала для продовольствія населенія и обсемененія яровыхъ полей. Отъ общаго заѣмъ, что по ходатайству министерства внутреннихъ дѣлъ, разрѣшено отпустить 20,000 р. с. для усиленія врачебнаго персонала на случай развитія дифтерита въ губерніи. Переходя къ вопросу о пересмотрѣ правилъ объ обязательномъ истребленіи хлѣбнаго жука, г. губернаторъ напомнилъ о печальномъ опытѣ 1880 г., когда всѣ усилія населенія спасти урожай отъ хлѣбнаго жука остались безуспѣшными. Признавая важнымъ дѣломъ для края обсужденіе и изданіе правилъ о введеніи въ дѣйствіе въ губерніи закона 3 іюня 1879 г. объ убиваніи зачумленнаго рогатаго скота, г. губернаторъ высказалъ, что до введенія этой мѣры никакія усилія населенія въ борьбѣ съ чумою не могутъ имѣть успѣха. Въ заключеніе, г. губернаторъ остановился на „безусловной необходимости прав-

вильной организаціи соборія и сохраненія въ постоянной исправности статистическихъ свѣдѣній по части народнаго хозяйства и продовольствія, такъ какъ немѣнѣе статистическихъ данныхъ по продовольственной части въ возможной полнотѣ можетъ поставить правительство и земство въ невозможность принимать своевременно необходимыхъ мѣръ“.

Присутствуя къ занятіямъ, соборіе избрало комиссію изъ 15 членовъ, которой предоставило подраздѣлиться на подкомиссіи. Въ комиссію были переданы для предварительнаго обсужденія отчетъ губернской управы, сметы и раскладки, доклады управы: о распредѣленіи казеннаго налога съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ объ убиваніи зачумленнаго рогатаго скота, о постройкахъ въ селеніяхъ, и о постройкахъ и приспособленіяхъ въ богоугодномъ заведеніи, а также и ходатайство екатеринославскаго уѣзднаго земскаго соборія по вопросу о мелкомъ земельномъ кредитѣ.

Внимательное и безпристрастное разсмотрѣніе постановленій соборія не позволяло, въ сожалѣнію, признать декабрьскую сессію богатою результатами. „Ходатайствовать и благодарить“, „отложить“, „оставить вопросъ открытымъ“ — таковы наиболѣе часто встречающіяся формулы постановленій. Я далеко отъ того, чтобы огульно, безъ разбора, порицать такіе формулы. „Ходатайства“ могутъ объясняться тѣмъ, что дѣятельность земства ограничена тѣсными кругами и что для успѣха земскаго же дѣла требуются мѣры, превышающія власть земскихъ учрежденій. „Оставленіе вопросовъ открытыми и откладываніемъ“ могутъ доказывать осмотрительность и боязнь опрометчивыхъ рѣшеній, особенно опасныя въ серьезныхъ вопросахъ. „Извѣщенія благодарности“ могутъ свидѣтельствовать о томъ, что земству не чуждо чувство признательности или, по крайней мѣрѣ, официальное его выраженіе. Тѣмъ не менѣе получается странное, даже тоскливое чувство, когда такими формулами почти и ограничивается дѣятельность соборія.

Екатеринославское собрание не было скупо на извѣщенія благодарности; особенно порадило въ этомъ направленіи засѣданіе 18-го декабря, которое даже можно назвать „благодарственнымъ“. Собрание благодаритъ управу за заботы о богоугодномъ заведеніи, благодаритъ управу же за хорошее счетоводство, благодаритъ членовъ ревизионной комиссіи, доложившихъ, что все обстоитъ благополучно, благодаритъ почетнаго попечителя ремесленныхъ классовъ при городскомъ училищѣ за заботы, благодаритъ почетнаго члена отъ земства при томъ же училищѣ, благодаритъ почетный совѣтъ за труды по устройству и веденію классовъ; по отношенію къ бывшему старшему врачу богоугоднаго заведенія, собрание идетъ дальше простого извѣщенія благодарности и постановляетъ, „наименовать именемъ врача одну изъ палатъ заведенія, предоставить въ его распоряженіе двѣ кровати, повѣсить его портретъ въ одной изъ палатъ“.

Открытыми оставлены такіе важные вопросы, какъ вопросъ о мѣрахъ противъ чумы на рогатомъ скотѣ и вопросъ о постройкахъ въ селеніяхъ. Вероятно изъ этихъ вопросовъ управы, повидимому, придавала болѣе значеніе; только по этому вопросу и имѣется напечатанный докладъ; всѣ остальные доклады управы не были напечатаны. Въ этомъ печатномъ докладѣ управы о правилахъ для введенія въ дѣйствіе закона 3-го іюня 1879 г. объ убиваніи зачумленнаго рогатаго скота дается откровенное сознание, что точныя статистическія данныя у управы не имѣются. Собрание большинствомъ 20 голосовъ противъ 9 признало вопросъ недостаточно выясненнымъ, по отсутствію статистическихъ данныхъ и оставило его открытымъ, поручивъ управѣ озаботиться соборіемъ необходимыхъ статистическихъ данныхъ.

Въ 1879 г. были составлены и утверждены соборіемъ правила о постройкахъ въ селеніяхъ; въ 1880 г. уже оказалось, что эти правила крайне неудобны. Управа представила докладъ; комиссія, въ которую докладъ былъ переданъ, внесла свой проектъ. Собрание послѣ нѣкоторыхъ колебаній постановило: передать докладъ управы и проектъ комиссіи на обсужденіе уѣздныхъ соборій, о результатахъ доложить сѣдующему очередному губернскому соборію, правила же 1879 г. отменить и впредь до выработки новыхъ правилъ руководствоваться строгими правилами, откуда самъ соборіе получается выводъ, что старый строительный уставъ имѣетъ серьезныя преимущества въ сравненіи съ земскими правилами 1879 г. Sic!

Переходя къ ходатайствамъ. Въ этой области мы встречаемъ большое разнообразіе. Вопросъ о народномъ продовольствіи вызвалъ цѣлый рядъ ходатайствъ, съ которыми мы познакомимся ниже. Кромѣ того, собрание ходатайствуетъ объ увеличеніи капитала, имѣющагося у земства для общаго призванія изъ средствъ находящихся въ распоряженіи министерства внутреннихъ дѣлъ, объ отнѣтѣ гербового сбора по дѣламъ производимымъ въ крестьянскихъ учрежденіяхъ, о возвращеніи изъ сената дѣла о преданіи суду прежняго состава мариупольской земской управы за злоупотребленіе, о распространѣніи заботъ министерства государственныхъ имуществъ по приращенію на всѣ уѣзды екатеринославской губерніи, о томъ, чтобы земельные банки дѣйствующіе въ районѣ екатеринославской губерніи, въ особенности обществу взаимнаго поземельнаго кредита, въ виду исключительности настоящаго общественаго положенія, отсрочили платежи съ обращеніемъ ихъ въ долгосрочную ссуду и т. д. Антисемитическое движеніе нашло отголосокъ въ соборіи, которое большинствомъ 18 противъ 7 постановило ходатайствовать о томъ, чтобы еврейскъ воспрещена была въ селеніяхъ торговля пивомъ, какъ розничная изъ шинковъ, такъ и оптовая изъ складовъ. Состоялось также постановленіе: „возобновить ходатайства по всѣмъ не-

разрѣшеннымъ ходатайствамъ“. Переліска будетъ не малая!

Какъ уже и упомянуто было, къ ряду ходатайствъ подаль поводъ вопросъ о народномъ продовольствіи, который обсуждался тщательно; другихъ; ему было посвящено три засѣданія. Рѣшено было ходатайствовать предъ правительствомъ объ отпускѣ земству для продовольствія и ярового посѣва пособия въ размѣрѣ 807,303 р., о начати общественныхъ работъ для поддержанія средствъ населенія и между прочимъ о постройкѣ постояннаго моста черезъ р. Днѣпръ въ г. Екатеринославѣ, о предоставленіи земству права передвигать и употреблять хлѣбные запасы общественныхъ сельскихъ магазиновъ, съ согласіемъ общества, которымъ хлѣбъ принадлежитъ, о предоставленіи актовъ, составляемыхъ членами земства о дѣйствительной нуждѣ лицъ, просящихъ продовольственной помощи, равной силы съ общественными приговорами и объ ограниченіи числа питейныхъ заведеній въ уѣздахъ. Продолжительныя пренія вызвалъ вопросъ о томъ, въ какой формѣ выдавать пособия — деньгами или же натурою т. е. зерновымъ хлѣбомъ. Докладъ (къ сожалѣнію не напечатанный) управы и особой продовольственной комиссіи высказался за выдачу пособій зерновымъ хлѣбомъ — рожью и ячменемъ. Противъ денежныхъ выдачъ приводили доводы, что требованія пособій будутъ болѣе значительны, такъ какъ деньги нужны всякому крестьянину, хотя бы въ продовольственномъ отношеніи онъ былъ обеспеченъ, тѣмъ болѣе, что, при круговой поруцѣ за возвратъ ссудъ, каждый крестьянинъ, принимая на себя отвѣтственность, желаетъ въ то же время и получить кое-что, и это кое-что для него всего удобнѣе въ видѣ денегъ. Кромѣ того указывали на сравнительно большую легкость растратить денежные пособия въ питейныхъ заведеніяхъ. Съ другой стороны въ соборіи были голоса противъ исключительно натуральнаго пособія, противъ ограниченія пособій двумя сортами зерноваго хлѣба и противъ исключительно подраднаго способа полученія хлѣба. Послѣ долгихъ преній собрание постановило: выдавать въ пособіе не только рожь и ячмень, но, тѣхъ пожелають и гдѣ возможно приобрести, пшеницу, картофель, кукурузу, гречиху, просо, горохъ и другія питательныя (?) вещества; приобретать хлѣбъ не только подраднымъ способомъ, но, по указаніямъ сельскихъ обществъ, покупкою и притомъ даже небольшими партиями на мѣстахъ потребленія; наконецъ, въ случаѣ невозможности получить хлѣбъ изъ земскихъ складовъ или отъ мѣстныхъ жителей, выдавать деньги для приобретенья хлѣба на базарахъ. Едва ли и нужно прибавлять, что успѣхъ этихъ правилъ весьма зависѣтъ отъ примѣнительности ихъ. Остальные вопросы были порѣшены наскоро. Со смѣтами справились въ одномъ засѣданіи, тѣмъ болѣе, что это засѣданіе было послѣднее, въ которомъ, въ виду ст. 22 прав. о земскихъ смѣтахъ и раскладахъ, надо было покончить со смѣтами для сообщенія ихъ

губернатору. Нельзя похвалить за откладываніе обсужденія земскихъ смѣтъ чуть не до послѣдней минуты!

Вопросъ о хлѣбномъ жукѣ также прошелъ быстро. Докладъ управы о жуцѣ, къ сожалѣнію не напечатанный, даже не былъ переданъ въ комиссію. Въ засѣданіи 14 декабря докладъ этотъ былъ утвержденъ соборіемъ. Въ засѣданіи 19 декабря нѣкоторые гласные спохватились и выразили желаніе, чтобы вопросъ о жуцѣ былъ поставленъ для обсужденія, но собрание большинствомъ 24 противъ 9 порѣшило считать дѣло о жуцѣ законченнымъ.

Въ предшествующемъ изложеніи указаны постановленія по всѣмъ имѣющимъ значеніе вопросамъ, по которымъ высказывалось собрание. 21 декабря собрание замерло, за неприбытіемъ законнаго числа гласныхъ. Въ числѣ неразмоторѣнныхъ дѣлъ осталось, между прочимъ, и ходатайство екатеринославскаго уѣзднаго земскаго соборія по вопросу о мелкомъ земельномъ кредитѣ.

Екатеринославскѣ.

Проектъ устава земской кассы поземельнаго кредита.

„Комитетъ о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ“, при московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства, выработалъ напечатанный брошюрою „проектъ устава земской кассы поземельнаго кредита“, учреждаемой земствомъ и имѣющей цѣлью облегчить крестьянскимъ общинамъ покупку земли. Ссуды выдаются только цѣлымъ обществамъ и только для покупки земли. Крестьяне должны подыскать продавца и сторгователя съ нимъ. Касса отнимаетъ землю и даетъ ссуду въ размѣрѣ 4% съ общинной суммы; 1% крестьяне должны сами уплатить наличными или въ расрочку, смотря по условію съ продавцомъ. Введеніи 49 лѣтъ крестьяне платятъ кассѣ по 7 1/2% въ годъ: 6% роста и по 1/2% въ запасный капиталъ, расходы управленія кассою и погашеніе; но въ первый годъ они должны уплатить еще 1% въ расходы по отнѣтѣ и другія издержки; этотъ взносъ предоставляется, впрочемъ, расрочить на первые три года. Въ случаѣ несправности крестьянъ въ платежахъ, кассѣ предоставляется арестовать приносимый землею доходъ, сдать ее въ аренду и, наконецъ, продать съ публичнаго торга. Продавецъ получаетъ деньгами отъ крестьянъ 1/2 цѣны, остальное — отъ кассы закладныхъ листовъ, которые приносятъ 6% и погашаются въ 49 лѣтъ. Они обеспечены двумя капиталами: запаснымъ, образующимся изъ крестьянскихъ взносов, какъ сказано выше, и основнымъ, отчисляемымъ въ распоряженіе кассы изъ земскихъ суммъ (сумма закладныхъ листовъ можетъ превышать только въ 10 разъ объ капитала), и, кромѣ того, двумя гарантіями: земскою и правительственною; обращеніе закладныхъ листовъ облегчается тѣмъ, что они могутъ быть подписаны на 50 р., принимаются въ залогъ государственнымъ банкомъ и тѣмъ, что „земскимъ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ

губерній“ предоставляется обращать въ закладные листы кассы всѣ находящіяся въ вѣдѣніи ихъ капиталы, не исключая и тѣхъ, которые, на основаніи существующихъ узаконеній, подлежатъ храненію въ государственномъ банкѣ или въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ“.

Изъ предвѣдущаго ясно, что земская касса можетъ помочь крестьянамъ въ покупкѣ земли только въ тѣхъ случаяхъ, когда продавецъ согласится взять, вмѣсто денегъ, бумаги. Для землевладельца, желающаго пользоваться приносимымъ деньгами дохода, такая продажа можетъ быть выгодна; но землевладелецъ, желающій сбить землю, чтобы помѣстить деньги въ какое-нибудь предпріятіе, можетъ не согласиться на такую операцію, если закладные листы будутъ стоить низко. Во всякомъ случаѣ, отбыва земли кассою будетъ имѣть рѣшающее значеніе.

Если покупка земли на предлагаемыхъ кассою условіяхъ окажется выгодною, то весьма вѣроятно, что ею воспользуются скорѣе многоземельныя невеликіе малоземельныя общины: уставъ не дѣлаетъ между ними различія, а богатія общины легче могутъ собрать денегъ на 1/2 цѣны.

Должниками кассы могутъ оказываться вовсе не сельскія общества, съ которыми она исключительно желаетъ имѣть дѣло, а индивидуальныя владѣльцы, деревенскіе кулаки, потому что, въ случаѣ неисправности общины, земля продается съ публичнаго торга, т. е. всякому, и притомъ съ переодомъ дома.

К. Г.—.

ТЕЛЕГРАММЫ

(отъ специальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“).

Кіевъ, 29 января, четвергъ. „Кіевлянинъ“ приступлено къ ревизіи канцеляріи генералъ-губернатора.

Дубна, 27 января, (8 февраля), вторникъ. Калей послалъ полкъ при четырехъ орудіяхъ, съ цѣлью очистить отъ боровъ Ньюкастльскую дорогу; сраженіе началось.

Дубна, 28 января, (9 февраля), среда. Дублинская земельная Лита рѣшила вчера убѣдительно просить Парнелла побѣжать въ Америку, чтобы агитировать тамъ въ пользу Лиги.

Москва, 29 января, четвергъ. „Московский Телеграфъ“: Сенаторъ Ковалевскій начнетъ ревизію съ оренбургской губерніи, гдѣ находится главная сѣть злоупотребленій по продажѣ башкирскихъ земель.

Русскій Курьеръ: Въ Ростовѣ-на-Дону, вслѣдствіе торговаго кризиса, банки повысили учетный процентъ.

Лондонъ, 28 января (9 февраля), среда. Дилѣтъ заявилъ палатѣ общины, что французскія и англійскія военныя суда получили вчера приказаніе выйти изъ Туниса. Спикеръ сообщилъ, что внесъ въ бюро палаты новый парламентскій уставъ о неотложныхъ дѣ-

вождямъ, но какъ только жизнь, станетъ входить въ мирныя рамки, имъ слѣдуетъ сойти со сцены, такъ какъ они почти всегда заходятъ слишкомъ далеко въ своемъ разрушеніи стараго строя. Не даромъ одному изъ такихъ героевъ дѣйствительности, а не романа, А. П. въ высшей степени остроумно замѣтилъ: „Вы, Б. прекрасны во время революціи, но послѣ революціи васъ нужно повѣсить“.

Созданіемъ такого цѣльнаго, такого жизненнаго типа, Писемскій оказалъ великую заслугу литературѣ, заслугу, которая оставитъ навсегда его имя въ числѣ высоко-талантливыхъ художниковъ-реалистовъ. Писемскій своимъ романомъ доказалъ, что онъ понималъ и осмысливалъ современную ему эпоху, со всѣми ея характеристическими особенностями. Подъ перомъ художника анализируются всѣ элементы общественнаго строя и, очищенные отъ мелочей и деталей, возстаютъ передъ глазами читателя во всей полнотѣ и рельефности. Чѣмъ рельефнѣе, чѣмъ правдивѣе типъ, создаваемый, творческимъ гениемъ художника, тѣмъ лучше усваиваютъ они современникамъ и потомству смыслъ и сущность переживаемыхъ имъ явленій, тѣмъ глубже, всестороннѣе и полнѣе ихъ воспитательное значеніе. Типы, созданные Писемскимъ и въ особенности типъ Калиновича, въ высшей степени рельефны, вполне законченны, выдержаны и вѣчны прямо изъ жизни. Отсюда, понятно, какъ глубоко воспитательное значеніе типовъ Писемскаго, отсюда, понятно, какъ великъ литературный капиталъ, завѣщанный намъ имъ. Не даромъ, хотя бы и можетъ быть, сколько преувеличено, Писаревъ такъ выражался о Писемскомъ, сравнивая его съ Тургеневымъ: „Писемскій глубже Тургенева захватываетъ явленія жизни, изображаетъ ихъ болѣе густыми красками и по жизненной полнотѣ своихъ твореній, какъ „черноземная

сила“ стоитъ выше Тургенева“ (*).

Онъ всюду оставался вѣрнымъ жизни, всюду оставался чистымъ реалистомъ въ духѣ вполне осмысленнаго изображенія жизни, за исключеніемъ своихъ послѣднихъ романовъ, въ которыхъ онъ ударился въ тенденціи и этимъ сильно повредилъ своей славѣ. Впрочемъ надъ свѣжей могилой покойнаго пусть смолкнутъ всѣ упреки! Не будемъ обвинять его за его ошибки! Кто не ошибается? Кто не сворачивалъ съ своего пути? Развѣ слава Голая умилила его того, что вслѣдъ за его дивными созданіями послѣдовала ужасная „Перешапка съ друзьями“? Россия, забывающая и прощающая такъ много забудетъ всѣ ошибки покойнаго, будетъ помнить только великую заслугу, оказанную имъ русской литературѣ и въ благодарности за нихъ, увѣнчавъ его лаврами, введетъ въ свой пантеонъ!

Г. А....

ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Вѣстникъ Европы 1881, I. „Внутреннее обозрѣніе“.

14 лѣтъ тому назадъ русское общество услышало изъ устъ человека, ставшаго тогда во главѣ дѣла образованія въ Россіи, сѣдующія характерныя слова: „Классицизмъ не есть только изученіе древнихъ языковъ; классицизмъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и изученіе древнихъ доблестей. Вотъ чего я желаю бы вашимъ дѣтямъ, вотъ чего я ожидаю отъ новаго, только что начинающаго жить поколѣнія... Но да явится этотъ классицизмъ въ развитіи ума, въ силѣ духа и воли и въ тѣхъ нравственныхъ качествахъ, которыми отличались просвѣднѣйшіе народы древности“.

Когда въ прошломъ году этотъ человекъ сошелъ со сцены, то появился

цѣлая литература, посвященная вопросу о томъ, насколько былъ достигнутъ идеалъ, поставленный графомъ Толстымъ. Но если прежде существовала обширная полемика приверженцевъ той или другой системы образованія, то теперь обращено было главное вниманіе не на то, чему учить, а на то, какъ учить. „Часто бывали недовольны у насъ, говоритъ по этому поводу авторъ одной изъ подобныхъ статей, нравственнымъ направленіемъ учащейся молодежи, и всякій разъ какъ бывали недовольны имъ, обращали вниманіе прежде всего на составъ учебнаго курса. Десять разъ измѣняли учебную программу и все еще не нашли такой счастливой комбинаціи латинскаго языка съ географіей и геометріей съ исторіей, которая дала желанную нравственность... Нельзя было, кажется, поэтому не прийти къ заключенію, что между нравственностью и учебной программой нѣтъ непосредственной связи, что нравственность учащихся не зависитъ отъ спеціальности изучаемыхъ въ школѣ наукъ. Не отъ состава учебнаго курса зависитъ нравственная убѣжденія и духъ учащейся молодежи, а отъ разумной школьной дисциплины и личной нравственности начальниковъ и наставниковъ школы.“

Но посмотримъ, какова же была у насъ эта школьная дисциплина за послѣднее время и насколько личной дѣятельности начальниковъ и наставниковъ было предоставлено свободное поле дѣйствій. Оказывается, что въ полѣ этомъ негдѣ было повернуться отъ безконечныхъ инструкцій и правилъ. Оудѣлая личностъ педагога ступовывалась, исчезала въ системѣ. Наставникъ нечего было вымѣниваться во внутреннюю жизнь ученика, наставникъ обращался въ обучающій и контролирующій приборъ, долженствующій наполнить въ теченіе

года предоставленный въ его распоряженіе умственный резервуаръ извѣстнаго количествомъ опредѣленнаго программными матеріала. Вотъ была его задача. Все остальное обнималось правилами, которыя охватывали всѣ жизненныя отправленія ученика, все до послѣднихъ мелочей. Эту доведенную до крайности регламентацію ученической жизни громить, Вѣстникъ Европы въ своемъ послѣднемъ внутреннемъ обозрѣніи. „Виртуозность въ регламентаціи, читаемъ мы здѣсь, рѣдко дошла до такого высоко-художественнаго совершенства, даже и въ прошлѣ нашего отечества, столь обильнаго педагогическими опытами и столь бѣднаго образованіемъ“. Большинство этихъ правилъ отличалось пренапряженнымъ характеромъ. Такъ они „воспринимаютъ самовольный выходъ ученика изъ класса во время урока и предоставляютъ исправлять на то дозволеніе преподавателя лишь въ случаѣ крайней необходимости“. Какъ будто бы такъ и подразумевается, что на кафедрѣ сидитъ машина-преподаватель, неспособный самъ привлечь учениковъ ко вниманію, и неспособный самъ разсудить, когда можно выпустить ученика изъ класса и когда нѣтъ. Такъ и здѣсь, читая гимназическія правила, еще одного, послѣдняго запрещенія, запрещенія ученику заснуть въ классѣ. Спрашивается, какъ же упустить изъ виду возможность такого случая (причѣмъ въ дѣлѣ бывали) и не обратиться вниманія, въ какое положеніе будетъ поставленъ машина-преподаватель, если случится нѣчто подобное. Почему не дано было инструкцій на этотъ счетъ? Или можетъ быть въ предудженіе именно подобныхъ случаевъ правила гласятъ: „Во время уроковъ ученики обязаны сидѣть прямо, *смота бы и прислонясь къ спинкѣ скамьи, но не облокачиваясь и не разваливаясь*“. Но не въ классѣ только правила

такъ пеклись объ ученикахъ, они не оставляли въ покое и дома. Чрезвычайно подробно и совершенно bona fide указано въ нихъ на то, что „приготовляться къ каждому уроку ученикъ долженъ исполнѣ добросовѣстно, употребляя для этого столько времени и труда, сколько необходимо для исполнѣ отчужденнаго и возможно лучшаго усвоенія преподаннаго или заданнаго“. Требуя, что бы ученики „относились къ своимъ наставникамъ и начальникамъ съ полнымъ довѣріемъ и откровенностью, избѣгая всякаго лицемерія, притворства, лжи и обмана“, правила въ то же время рекомендуютъ ученикамъ „привѣтствовать своихъ начальниковъ и наставниковъ вѣжливымъ поклономъ, называть ихъ не иначе, какъ по имени и отчеству“, точно безъ этихъ указаній ученикъ ни за что не покончится преподавателю, или назоветъ своего наставника не такъ какъ онъ обыкновенно называется болѣе или менѣе близкихъ и уважаемыхъ имъ людей.

Вступая на почву отношеній учениковъ между собою, правила становятся исполнѣ невозможными. Они говорятъ, что ученики „обязаны быть между собою не только вѣжливы, но еще доброжелательны и дружелюбны“, а въ слѣдъ за этимъ, что ученики обязаны „не терпѣть въ своей средѣ вредныхъ товарищей и сообщать о нихъ своему классному наставнику“. Въ переводѣ на болѣе откровенный языкъ слово сообщать обозначаетъ давно и безъ правилъ извѣстное гимназистамъ „обедничество“. Такиимъ образомъ „ябеда“ въ правилахъ находить себѣ санкцію.

Прибавьте ко всему этому какой то особенно жесткій характеръ правилъ и мы получимъ общую картину всей пресловутой регламентаціи.

Она подавляющимъ образомъ дѣйствуетъ на учащихся и особенно тяжолымъ гнетомъ ложится на дѣтское, болѣе нѣжное, населеніе нашихъ гим-

назій. Говоря это мы хотѣли бы пополнить пробѣлъ, который бросается въ глаза въ разбирательствѣ нами статей „Вѣстника Европы“. Авторъ статьи смотритъ на правила, покуда ихъ передъ собой, но не заглядывая въ гимназій. Близко зная гимназическую жизнь, мы хотимъ сказать, какъ эти правила принимаются на практикѣ. Отсутствіе цѣлесообразности подобныхъ правилъ исполнѣ очевидно. Но не нужно думать, что ученикъ гимназій въ продолженіе всего курса подставляетъ свою шею подъ такое ярмо этихъ правилъ. Нѣтъ, это ярмо треть ученическихъ шею только въ меньшихъ классахъ. Съ 4-го—5-го класса ученикъ научается относиться къ этимъ правиламъ только съ насмѣшкой, исполнѣ естественной и понятной. Подобное же отношеніе мы смѣли рекомендовать и „Вѣстнику Европы“, если бы это не былъ такой солидный и почтенный журналъ, привыкшій ко всему подходить съ серьезной мѣрой. Слѣшкомъ много выны авторъ обозрѣнія приписываетъ правиламъ. Дѣло въ томъ, что маленькіе гимназисты не понимаютъ этихъ правилъ, а большіе, понимая, скоро научаются обходить и третировать ихъ; путей для этого у нихъ очень много. А развѣ гимназистъ такъ отрицательно относится къ этимъ правиламъ, то нельзя считать причиною справедливо возмущающей „Вѣстникъ Европы“ „дѣлоси нѣкоторыхъ экзаменаторовъ среди обладателей аттестатовъ зрѣлости“ — нельзя, говоримъ мы, считать причиною этого исключительное вліяніе правилъ на гимназиста.

Причины эти надо искать глубже, разбирая практикуемую теперь у насъ систему воспитанія и образованія во всемъ ея примѣненіи.

Альба Гамма.

(*) Д. И. Писаревъ, сочиненія, т. 1, стр. 78.

(*) „Гимназическая переписка“. Вѣстникъ Европы 1880, 11.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 29 января 1881 год